

«ОДЕТЫ РИЗОЮ, КАК СВЕТОМ»: ДРАГОЦЕННЫЕ УБРАНСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ИКОН КАК ФАКТОР НАРОДНОГО ИХ ПОЧИТАНИЯ

Аннотация. Украшение почитаемых образов – составная часть иконопочитания и благочестия, которые являются одной из отличительных особенностей отечественной культуры. В статье на основе архивных, летописных и литературных источников показаны многовековые традиции драгоценного убранства икон в виде окладов, цат, венцов, привесок, шитых подвесных пелен, украшений киотов.

Ключевые слова: украшение икон, иконопочитание, благочестие.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. «Одеды ризою, как светом»: драгоценные убранства православных икон как фактор народного их почитания // Традиции и современность. 2025. № 43. С. 13–25

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

Цеханская Кира Владимировна (Tzekhanskaja Kira Vladimirovna) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirilla2011@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 43. С. 13–25

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 82.941; 980; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-43/13-25>

В течение многих веков на Руси все лучшее, самое красивое и искусно сделанное было сосредоточено в храмах и посвящено Богу. Внутреннее убранство храма, его красота составляли благолепие. В украшении святых икон всегда проявлялось благочестие¹. В древнерусских источниках – летописях, сказаниях о чудотворных иконах, духовных грамотах, литургической гимнографии (акафистах иконам) и даже эпиграфике много описаний драгоценных украшений образов. Даже в живописи икон нередко можно видеть имитацию драгоценностей. Такие примеры есть уже в самых ранних энкаустических² иконах VI в. Убор иконы в письменных источниках называется «крутай», «скрутай» (наряд, украшение), иконное «кование», «кузьн у икон»; в крестьянской среде он именовался «ризами»³.

Про живописный образ в окладе обычно говорили, что икона «обложена», «образ окладной» (Духовные 1950: 309). Первоначально появились металлические нимбы над головами святых, затем различные обетные привески – подношения (*приклады*) в виде ювелирных украшений, со временем эти украшения преобразовались в цельные оклады. Они могли быть серебряными, латунными, медными, посеребренными, позолоченными и даже золотыми.

Встречались ризы, шитые жемчугом, бисером, золотыми и серебряными нитками. Позднее появились оклады из белой жести и фольги. Оклады могли также состоять из отдельных металлических пластинок – *басмы*⁴ на части образа, или же они покрывали всю живопись иконы за исключением лиц и рук: «под оклад» личное. Работы по металлу выполнялись всеми существовавшими ювелирными приемами – от самых тонких до чеканки и штамповки в XIX в. Описывая богатство Благовещенского собора Московского Кремля, архидиакон Павел Алеппский в середине XVII в. писал, что «ценность икон, в этой церкви находящихся, равняется нескольким казнам» (Павел Алеппский 1898: 108).

Украшение икон ризами было известно еще в Византии. На Руси оклады делали преимущественно для особо чтимых икон. Так, митрополит Киприан, прославляя заступничество Божией Матери после освобождения Москвы от татар, подарил драгоценный оклад для Владимирской иконы Божией Матери (Языкова 1995: 133). Иван Грозный также украсил окладами иконы «Троица», «Сергий Радонежский в житии»: «Государя ж царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси вкладу написано 83-го (1574/75) году... образ местный Живоначальная Троицы обложен златом, венцы златы, в венцах 31 камен розных цветов да жемчуг бурминский, большое зерно кругло в большом венце, у того образа приклады 3 цаты златы, а в них 19 камней,

18 жемчугу больших, 9 цат, а в них по 5 камышков ды по жемчугу большому... образ местной чудотворца Сергия з деянием обложен златом, в венце 7 камней розных цветов, а в деянии у чудотворца Сергия венцы сканные по всем местам» (Вкладная книга 1673).

Драгоценный оклад с цатами к иконе Божией Матери «Одигитрия». Источник: Цеханская К. В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004

В XVI в. оклады и басмы делали повсеместно. Так, весь иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря, состоящий из более 90 икон, был отделан басмой. А на Смоленской иконе Божией Матери, которая хранится в Оружейной палате, кроме серебряного оклада, украшенного расписными медальонами и драгоценными камнями, мафорий расшит жемчугом и самоцветами (Языкова 1995: 133). Чудотворная икона Свенская-Печерская, по преданию написанная преподобным Алипием, также была украшена золотой ризой (весом около двух фунтов) и жемчужными украшениями, которые пожертвовал Иван IV со своей женой Анастасией, о чем гласила надпись на древнем списке с

этой иконы. Известно также, что в 1846 г. брянский помещик Владимир Ростиславович Демидов сделал на золотую ризу Свенской чудотворной иконы Богоматери корону с бриллиантами и другими драгоценными камнями, а также бриллиантовые звезду на плече Богородицы и венец с нарукавниками

Образ св. Власия, епископа Севастийского, с мощами. XVII в. Московская школа. Оклад (басма). Частная коллекция

Предвечного Младенца (Чудотворные иконы 1993: 271). Драгоценные ризы делались и в благодарность после удачно завершившихся исторических событий. В дни осады Троице-Сергиевой лавры литовцами в 1608–1609 гг. иноки осажденной обители обратились с усердной молитвой о помощи к покровителю и защитнику Русской земли и веры святителю Николаю и решили освятить придел имени угодника в своем Успенском соборе. По свидетельству источников, с того дня смертность стала ослабевать, снова появилась бодрость, враг отступил. Благодарностью за особое заступничество святителя служит дар царя Василия Шуйского (1608 г.) к образу святителя Николая Зарайского – золотая риза. Другим даром, уже меньшим, была золотая дощечка с надписью к тому же образу: «Лета 1610, генваря в 27 день, государь царь и великий князь всея России приложил к чудотворному образу великаго чудо-

творца Николы Зарайского, как Бог освободил град его от воровских людей, его Чудотворцевою молитвою, и добили челом государю» (Чудотворные иконы 1993: 440).

Случалось, что жертвователи украшали почитаемую икону сразу несколькими ризами. Так, в небольшой придворной церкви в Царском Селе хранилась древняя чудотворная икона «Знамение». Императрица Елизавета Петровна принесла в дар золотой оклад, а в 1849 г. икону украсили еще и ризой с множеством бриллиантов, бирюзы, аметистов, сапфиров, изумрудов и опалов. В венце сделали корону из не уместившихся на ризе камней. А в нижней части поместили крупный сердцевидный топаз. На его ребрах были вырезаны даты – 1831 и 1848 – годы избавления Царского Села от холеры. Внизу на сердцевидной золотой дощечке выгравированы следующие слова: «За спасение от эпидемии прими, милосердая Владычице, Покровительнице града Царского Села, сии перлы, яко слезы благодарности, орошающие Твою пречистую ризу, от усердных рабов Твоих и впредь помилуй нас» (Чудотворные иконы 1993: 700).

В русском церковном обиходе встречались праздничные ризы, которые одевались на икону лишь несколько раз в году. Такая праздничная риза с бриллиантами была подарена в 1891 г. на икону «Скоропослушница» от исцеленной перед чудотворным образом Веры Григорьевны Соколовой. Риза была предназначена для дня празднования Пасхи и крестных ходов: в дни памяти великомученика Пантелеймона, на Рождество Христово и в праздник самой иконы. В остальное время она хранилась в часовне св. вмч. Пантелеймона на Никольской улице в Москве (Тимкина 2000: 138).

Старинный чудотворный образ «Введение во храм Пресвятой Богородицы» в Серпуховском женском монастыре также был особо украшен. В 1860 г. его благочестивые почитатели повесили на икону бриллиантовое ожерелье, над ликом Богоматери вделали наперсный крест с изумрудами и короной наверху. В середине креста на изумруде вырезали Распятие с предстоящими (Тимкина 2000).

В сельской местности чтимые иконы также украшали, но, разумеется, скромнее. В приходской церкви с. Мамонтова Моршанского у. Тамбовской епархии чудотворный образ Николая Угодника был украшен ризой из позолоченного алебаstra, фелонь и омофор украшены золочеными крестами; вокруг лика Чудотворца укреплен серебряный с позолоченными лучами венец, на голове – митра из малинового бархата. Кроме того, образ был в позолоченном окладе и помещался в позолоченном резном киоте (Гусев, Вознесенский 1899: 553). Многие чтимые иконы по усердию богомольцев украшали

«среброзлащенными» ризами с камнями и жемчугом, особенно нимб и омофор у Спасителя, Божией Матери и любимых святых угодников. Благоговейное отношение к почитаемому образу выражалось не только в украшении переносных икон, но и во фресковой живописи. Подобный редкий пример имеется в описании изображения Богоматери на алтарной абсиде Спасо-Преображенского Мирожского собора. В. Д. Сарабьянов предположил, что именно это изображение Мирожской Богоматери и есть тот чудотворный образ, который в XII в. прославился истечением слез. Очевидно, что уникальная фреска имела иконный оклад, следы которого (в виде следов от гвоздиков) остались на местах, где крепились басменные накладки, украшавшие венец, три звезды, рукава и кайму мафория Богоматери (Сарабьянов 2002: 61).

Очень часто на украшение почитаемой иконы собирали деньги. Известно, например, что в 1855 г. Ипатьевский образ Спасителя из окрестностей Томска был украшен серебряной с позолотой ризой на собранные по подписке деньги (Гусев, Вознесенский 1899: 5, 87). Исследователи Русского Севера отмечали, что каждое селение имело и хранило образ

Украшенная икона Казанской Божией Матери. XVII в. Московская школа. Оклад XVII в. Частная коллекция

своего святого покровителя в храме или часовне. Икону украшали за свой счет ризами и венчиками (Листова 2001: 741). Часто рядовые прихожане ради блага души украшали любимые иконы, отказываясь от необходимого.

В советское время, когда грабили церкви, почти со всех икон храма Воскресения Словущего в Москве были содраны ризы, их нет и теперь. Но серебряная с золотом тончайшей работы риза на иконе «Взыскание погибших» сохранилась. Когда власть имущие разорители добрались до нее, настоятель просил оценить ризу, обещая возместить ее стоимость. Прихожане принесли серебряные вещи, у кого они оставались. Их стоимость оказалась значительно больше выкупа, и ризу удалось спасти (Православные чудеса 1993: 33).

Кроме оклада почитаемым иконам, особенно чудотворным, делали особые подношения – «приклады»: ожерелья, монисты, гривны, «луницы» или «месяцами гривенными», цаты, кресты, панатии, бляхи, цепи и пр. В древнерусских источниках сохранились их описания. Так, в описях XVI в. прежде всего упоминаются венцы, иначе – нимбы, или *оглавия*, часто с «карунами». Затем следует цата. По определению А. С. Уварова, это подвесная «лунообразная подвеска на иконах, прикрепляемая к оконечностям венчиков» (Толстой, Кондаков 1894: 33), которую иногда называли гривной, особенно если на цате были три штампованных кружка с изображением Деисуса или гнездами камней. И. А. Стерлигова пишет, что с конца XVI в. иконные гривны, независимо от наличия у них подвесок, в описях чаще называли «цатами» (Стерлигова 2000: 156). Интересно, что даже на немногочисленных резных иконах иногда изображали гривну-цату. Такая витая шейная гривна отчетливо видна на одном из памятников в коллекции Русского музея – иконе «Никола Зарайский с избранными святыми» конца XV – начала XVI в. (Плешакова 1977: 205). Возможно, центральная фигура святителя Николая на иконе повторяла какой-то более ранний чтимый образ, который был украшен похожей гривной.

По другим описаниям, цата – медаль, носимая нашими предками на золотой или серебряной цепочке. Цата служила знаком благоволения государя к лицам, носившим ее. Так, Великий князь Владимир I наградил храброго мужа Александра Поповича за одержанную им победу над половцами тем, что возложил на него подобную медаль (золотую гривну) (Щербатов 1771: 283).

Сохранилось довольно много сведений о пожертвованиях гривен и цат для украшения икон. Ипатьевская летопись под 1289 г. сообщает, что князь Владимир Василькович Волинский «икону списа на золоте наместную святого Георгия и грив-

ну златую возложи нань с жемчюгом...» (ПСРЛ 1843: 223). В 1565 г. княгиня Евфросиния Старицкая, уже будучи инокиней Евдокией, приложила к образу святого Кирилла работы Дионисия Глушицкого «гривну золотую, да цату серебряную с камением, саженую жемчугом» (Никольский 1897: 111).

Кроме того, на цате были свои украшения-привески: просто панагии, панагии с мощами, резные иконки. Но цата на образе всегда бывала одна, а гривен много. На двадцати иконах Деисуса насчитывалось по 84 гривны (Толстой, Кондаков 1894: 33). Привешивали по одной или две серьги с камнями и «трясочками», перстни, кольца, а также делали «запонки» на плечах (фибулы), нарукавники или запястья с камнями.

Так, на небольшом новгородском чудотворном образе XII в. «Знамение» в начале XVII в., кроме золотых панагий, двух крестов, цепи, четырех пар серег и двух пар рясен, трех перстней и множества золотых монет, находились: «2 понагеи серебряные, 126 крестов и понагей на аспидех и на раковинех и на ентамах, 2 убруска жемчужных, 19 гривен серебряных, 47 серги кошелки и голубцы, 8 цепочек серебряных». А на чудотворной иконе «Богородицы Грузинской» в Суздальском Покровском монастыре в конце XVI в. было 225 прикладов (Опись Новгорода 1984: 52).

Истории известны факты прилюдного одаривания иконы: в начале XVII в. в праздник Владимирской иконы Божией Матери во время литургии в Сретенском монастыре царь после принятия благословения у патриарха «знаменовался» у икон и подавал к ним золотые монеты. Их кропили святой водой и прикладывали к иконе (ЧОИДР 1907: I–XVIII, 6, 9, 52–54, 57–59, 77–80).

Совершенно необычная привеска к иконе была сделана ханом Батыем, когда в 1337 г. он превратил в пепел Рязань, но не тронул Иоанно-Богословский монастырь. Подойдя к монастырю с целью ограбления, он был поражен явлением св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, пришел в ужас и, вместо разорения, привесил к его образу герб – свою золотую печать. Об этом событии свидетельствует грамота, данная монастырю патриархом Адрианом в 1692 г.: «Быв оный христианского рода несносный враг (Батый) в пределах рязанских явлением Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова прииде от дерзкомысленного своего суровства в пристрашие и прибегши в обитель и пречестному и святому его образу приложил зде печать свою злату, и тем его святым явлением починися преславному жителству многанадежное и безбедное от них врагов защищение. О том чудном происшествии, открывшемся заступлением всехвального наперсника Господня, и донныне сие во всем народе явлено

Святой Иоанн Кронштадтский. Шитая икона.
Санкт-Петербург, Леушинское подворье.
Фото автора. 2004 г.

известуется». Об этом свидетельствуют также надпись на отрезанной от этой иконы рукояти, сделанная иподиаконом Афанасием в 1700 г., и описание 1894 г. Богословского общежительного монастыря, находящегося в Рязанской епархии. В XVII в. настоятель монастыря использовал Батыеву печать на позолоту водосвятной чаши, в настоящее время хранящейся в музее Рязанского Кремля (Описание Свято-Иоанно-Богословского 1998: 15, 140).

Как уже упоминалось, особое значение в церковном убранстве икон имело лицевое шитье, которое по своему назначению и исполнению было тесно связано с иконописью. Не случайно подготовительные рисунки выполнялись мастерами иконного ремесла (знаменщиками). Изготавливались вышивки в домашних светлицах, во главе которых стояла хозяйка дома, как правило, самая большая искусница. Наиболее прославились светлицы Ирины и Ксении Годуновых, Евфросинии Старицкой, царицы Анастасии Романовны, в XVII в. – Анны Ивановны Строгановой в Сольвычегодске. До нашего времени дошли десятки образцов непревзойденного мастерства русских вышивальщиц. Самой значительной школой в истории лицевого шитья считается строгановская, деятельность которой продолжалась почти полтора столетия: с конца XVI в. до 30-х годов XVIII в. (Силкин 1991). Но и раньше, еще в

домонгольские времена, ткани, шитые золотом, серебром и жемчугом «без числа», украшали храмы Древней Руси.

В «шитый» убор иконы входили покровы (убрусы) и пелены. Покровы возлагали на верхний край образов, и концы свисали по сторонам, иногда их было несколько на одной иконе (Георгиевский 1927: 1–2). Истории известно «обычное чудо», связанное с покровом константинопольской иконы во Влахернском храме. Оно описано Михаилом Пселлом в XI в.: каждую пятницу, когда многочисленная процессия из клира и народа собиралась у входа в церковь к вечерней службе, покров на иконе Богоматери чудесным образом поднимался, оставаясь в таком положении до девятого часа субботы, и можно было увидеть, как свидетельствует Пселл, «что икона преображается, как если бы Сама Богоматерь вошла в нее» (Паттерсон-Шевченко 1994: 41). В византийской традиции тонкие, светлые, полупрозрачные покровы налагались на икону. Во время богослужений перед иконой они могли подниматься вверх, сворачиваться в виде валика или собирались складками (Стерлигова 2000: 48). Они бывали и плотными, украшенными шитьем и жемчугом. Возможно, такие покровы были распространены в домонгольской Руси, но в последующие века приобрели функции завес, когда возникала необходимость закрыть икону, особенно в домашних божницах (завесы, занавесь, застенки).

Иначе покровы для икон называли «убрусы с наконечниками». Верхняя часть убруса, закрывающая верх образа, называлась *очелье*⁵ и украшалась золотым шитьем. К нему прикреплялись «лопасти» и тафты с нанизанным жемчугом, которые пристегивались серебряными пуговицами. Концы же лопастей – «наконечники» – также украшались жемчугом и драгоценными камнями. Покровы и убрусы в глазах молящихся соотносились с одной из чудотворных реликвий Богоматери – ее омофором (мафорием), который чтился в Константинопольском Влахернском храме – главном храме Богоматери всего восточнохристианского мира. И. А. Стерлигова замечает, что на Руси покров богородичных икон (которые украшали с особой любовью), как женский головной плат (по-славянски – «убрус») и плат, чтившийся в Влахернах, чаще всего именовался убрусом (Стерлигова 2000: 48, 51).

Обычай подвешивать под иконы пелены ведет с древних времен. По мнению Е. Голубинского, пелены появились на Руси одновременно с иконами (Голубинский 1904: 283). Самое раннее летописное их упоминание встречается в описании церковной утвари, которой снабдил Андрей Боголюбский устроенный им Владимирский собор. Там пелены названы «портами шитыми золотом и жемчугом,

Икона Божией Матери «Знамение» Корчемная, украшенная привесками. Фото автора. 2002 г.

паволоками и уксами церковными»⁶. На Руси, как и в Греции, в церквях их подвешивали под нижний край икон, и они спускались до пола, закрывая стену. Пелены, равные по ширине иконе, часто повторяли не только живописный оригинал, но даже отображали в шитье оклад с растительным орнаментом, корону, входящую в оклад, и другие украшения (Ефимова 1986: 128). Обычно по краю вышивали молитвенные надписи.

С конца XV в. установилась традиция вкладов в монастыри дорогих шитых пелен. Вкладные книги и описи Троице-Сергиева монастыря упоминают многочисленные подарки именитых людей и членов царского дома. Наиболее богатые вклады предназначались для местных образов иконостаса Троицкого собора. В 1499 г. Софья Палеолог передала пелену с изображением избранных святых и праздников; в 1525 г. Соломония Сабурова подарила пелену «Явление Богоматери Сергию» (Николаев 1969: 122–123, 138–139).

В одной из древнейших монастырских описей Покровского суздальского монастыря 1597 г., написанной по «наказу» царя Феодора Иоанновича, составители, «переписывая в церквях образы окладные и неокладные и у образов кузнь золотые и венцы и цаты», почти под 42 из них отмечали «пелены и на пеленах камение и жемчуг» (Георгиевский 1927: прилож. 1). С пеленой от чтимого списка иконы «Великорецкой» святителя Николая, обильно

Драгоценный шитый оклад на икону
«Спас Нерукотворный». Середина XIX в. Углич.
Фото автора. 2005 г.

украшенной жемчугом, был связан местный церковный обычай. Образ помещался в Успенском соборе Московского Кремля против царского места. Драгоценная жемчужная пелена вывешивалась к образу только в день памяти «проявления мощей» чудотворца Петра (4 августа), в воспоминание о мистической связи чудотворца Петра и чтимой иконы святителя Николая, которые «совокупно» явили чудеса исцелений. Это произошло на следующий день после принесения иконы «Великорецкой» в Москву (29 июня 1555 г.), в день праздника святых апостолов Петра и Павла (Голубцов 1908: 70, 202–204).

Во вкладной книге 1673 г. Троице-Сергиева монастыря записано: «58-го 1549/50 году государыня благоверная и великая княгиня Анастасия приложила ко образу чудотворца Сергия пелену отлас червчат, сажена вся жемчугом з дробницами, на ней крест и у креста подписи и под крестом летописец, жемчугом сажено»⁷. Ниже другая запись: «Государя ж и царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси вкладу написано в отписных ризных книгах 83-го (1573/74) году: ...пелена камка зелена, на ней крест сажен жемчугом с пращи, плащи серебряны позолочены, под крестом подпись жемчужная, около пелены камка червчатая, на ней дробницы сере-

бряны, около дробниц жемчугом сажено»⁸. Запись во вкладной книге свидетельствует, что царь Иоанн Грозный и царица Анастасия Романовна подарили одну пелену для иконы «Троица» Андрея Рублева, другую же – «ко образу чудотворца Сергия» (Николаева 1958: 32). Таким образом, драгоценные пелены составляли неотъемлемую часть в украшении знаменитых святынь.

Надо отметить, что часто для одной иконы предназначались две пелены. Так, несколько икон местного ряда в одной из церквей Иосифо-Волоколамского монастыря имели по две пелены. Например, об образе Успения Пресвятой Богородицы «дионисьева письма» говорилось: «Да у тое иконы пелена бархата зеле, а обложена бархато червчен на желте земле... Да у тое иконы пелена другая».

Значительным памятником лицевого шитья XVII в. является подвесная пелена «Богоматерь Владимирская 1626 г.» (Искусство строгановских мастеров 1987: каталог 83). Иконографически она восходит к «запрестольному» образу начала XV в. из Московского Успенского собора. На ее клеймах вышиты «Троица» и поясные святые предков Строгановых в позах предстояния. Таким образом, пелена представляла собой своего рода семейный пантеон святых⁹. Она украшала обетную икону Петра Семеновича Строганова, написанную Истомой Савиным. Образ помещался в особом серебряном киоте. Икона, оклад, киот и пелена составляли как бы единое целое и были «молением всей его семьи» (Силкин 1991: 117).

В 50–60-е годы XVII в. в Сольвычегодске большое число икон было посвящено святому страстотерпцу царевичу Димитрию, святому покровителю Дмитрия Андреевича Строганова. В это время «трудами и тщанием» Анны Ивановны и ее светлицы были изготовлены пелены разных размеров, сплошь шитые золотом, серебром, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Известно, что в Сольвычегодском Благовещенском соборе были иконы царевича Димитрия. Здесь же вышивались три большие пелены святого (Силкин 1991: 119), очевидно, усердием светлиц А. И. Строгановой. Иногда пелены под иконы имели иную иконографию. Так, в одном из храмов строгановского вотчинного Орла-Городка находилась икона «Царевич Димитрий», к которой прилагалась пелена «Убиение царевича Димитрия» (Силкин 1991: каталог 8). В описи Иосифо-Волоколамского монастыря указана икона Успения Богородицы и «пелена к ней с образом Николы Чудотворца» (Георгиевский 1911: 2–3).

Пелены могли быть «вседневные» и праздничные. Некоторые из них свисали до пола.

Помимо украшения образа, пелены имели и другое предназначение. Известно, что чудотворные

Икона Божией Матери «Взыскание погибших» с привесками. Москва. Храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке. Фото автора. 2003 г.

иконы часто омывались, и вода эта считалась целебной. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери» (1185 г.) говорится, что воду, которой омывали образ, посылали в разные города Руси (Ключевский 1878: 119). После омовения ико-

ну осушали пеленами. Еще в домонгольские времена при крещении полагалось, чтобы восприемник, «аще попин хошет детя крестити и отцом быти, да привяжет чист плат к иконе и возложит в оне детя». В праздники, когда устраивали крестные ходы, ико-

ны «износились» также на пеленах: «А где идут со кресты по улицам: в Кремле ли, или в Белом городе, или кругом города Белого, то во всех улицах и монастырях игумены со всею братиею и со священники и диаконы в ризах изнасят святые иконы на пеленах...». Описывая праздник Сретения (встречи) иконы Владимирской Богоматери, авторы церковных источников отмечали также, что в церкви образ вынимают из киота и «поставляют против патриарха на столец, а на нем постлана пелена» (ЧОИДР 1907: 185). Причем все предметы, касавшиеся святыни, навсегда исключались из мирского обихода: «А же полотном икона покрывана, не достоит в нем ничего имети, но церкви» (Голубинский 1904: 539). Нарушение подобного запрета расценивалось как святотатство (Стерлигова 2000: 221).

Обычай несения икон как неприкосновенных святынь, подобных Ковчегу Завета, известен с древнейших времен как по описаниям паломников, так и по изображениям. Отображением этого обычая может служить шитая пелена из Государственного исторического музея 1498 г., две иллюстрации к последнему кондаку акафиста Богоматери – в клейме иконы «Похвала Богоматери с Акафистом» из музея «Московский Кремль» второй половины XIV в. и в росписях церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (ок. 1502 г.), где изображена процессия с иконой, которую дьякон несет на спине с помощью ремней, не касаясь руками (Средневековое лицезрание 1991: 60).

Украшали не только собственно иконы, но и рамы к ним. Деревянные рамы известны на ранних синайских иконах VI в., там же обычно помещались посвяtitельные надписи – моление заказчика о спасении, обращение к Богу через Его икону (Лидов 1999: 20). Деревянные киоты-рамы могли быть резными и расписными. Некоторые из них сплошь покрывали яркой краской, а венчающая коруна имела изображение Деисуса; на нижнем крае иногда приделывали металлический подсвечник. Таков был киот в главном алтаре собора г. Кеми. Соединение росписи и резьбы отличает один из киотов Феодоровской церкви в Ярославле (Красовский 1916: 346). Встречались и такие киоты, где были написаны небольшие иконы (клейма), изображающие события из жизни святого, для иконы которого предназначался киот.

В первой трети XVII в. в Московском Кремле была написана большая икона – список Владимирской иконы Божией Матери, к ней сделали раму с 26 клеймами сказания о чудесной истории образа, где были показаны события от создания иконы евангелистом Лукой до благодарственного молебна перед ней в 1395 г. Возле каждого клейма на полях помещены надписи, в которых цитируется текст сказания (Христианские реликвии 2000: 348).

В Троицком соборе Московского Свято-Данилова монастыря хранится чудотворная икона преподобного Кассиана Римлянина. На ее раме изображены клейма жития преподобного.

В начале века в Тотемском у. Вологодской губ. в церкви Зосимы и Савватия еще сохранялся киот, представляющий собой модель церкви (Христианские реликвии 2000: 348). Киоты, сочетавшие роспись и резьбу, с двумя полочками внутри, назывались «Иерусалимами» и «Сионами». Возможно, такие киоты были и дарохранительницами, их использовали по большим праздникам на великом входе за литургией (Голубинский 1904: 174). Киоты делали и из драгоценных металлов. Например, одна из древнейших икон православной Руси – Курская икона «Знамение» – по повелению царицы Ирины Феодоровны в 1597 г. была украшена богатой ризой, атласной пеленой, шитой золотом, и вставлена в серебряную позолоченную раму с изображением Господа Саваофа сверху и пророков со свитками по бокам. Другая чтимая икона – Корсунская в Исаакиевском соборе Петербурга – имела серебряный киот с золочеными украшениями (Чудотворные иконы 1993: 576; 632). В Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре Владимирской епархии особым почитанием пользовалась местная святыня этой обители – икона Богородицы «Умиление». Образ был в золотой ризе, украшенной крупным жемчугом и драгоценными камнями. Икона хранилась в небольшом киоте, стороны которого были украшены изображениями Господских, Богородичных праздников и четырех Евангелистов. Этот киот помещался в другом киоте, украшенном «среброзлащенной» доской чеканной работы. Первый киот был очень древним, так как евангелисты Марк и Иоанн Богослов были изображены соответственно со львом и орлом. Такие символы евангелистов писали еще до патриарха Никона. На втором киоте была надпись, говорящая о его происхождении: «Лета 7098 (1590) милосердием Бога нашего Иисуса Христа и Причистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии ради многочисленных и чудотворных Ея икон, сделан сей киот серебрян, по завету и повелением Демида Ивановича Черемисинова» (Чудотворные иконы 1993: 576; 638, 641–642). Уже упоминавшийся обетный образ П. С. Строганова в описаниях значился как икона Богоматери «Владимирской, что в серебряном киоте» (Силкин 1991: 120).

Интересен расписной киот к небольшой иконе «Кирилла Белозерского» в Сергиевском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Этот образ был написан в 1424 г. Дионисием Глушицким. На створках складня, в который в 1614 г. был помещен образ, – четыре клейма. На одном из них изображен сам иконописец, пишу-

Чудотворная икона Божией Матери
«Скоропослушница» в монастыре Дохиар на Афоне.
Фото из открытых источников

щий образ Кирилла. На верхней и нижней части средника складня вырезана надпись вязью: «Образ чудотворца Кирилла списан преподобным Дионисием Глушицким, еще живу сущу чудотворцу Кириллу, в лето 6932 (1424). Сделан сей киот в дом Пречистыя и чудотворца Кирилла в лета 7122 (1614) по благословению игумена Матфея в славу Богу, аминь» (Филатов 1999). Створки изготовлены и написаны художником Никитой Ермоловым из Белозерска в августе 1614 г.

На золоченом фоне верхнего поля надпись: «Оаг(иос) преподобный Кирилл» (в надписи использованы греческое и русское слова для обозначения святости), причем первые два слова явно добавлены к единственному древнему слову «Кирилл». Добавление это весьма показательно, так как, когда писалась икона, Кирилл не был канонизирован даже как местночтимый святой (Филатов 1999: 239).

В современных церквях особо чтимые иконы вставлены, как правило, в массивные резные позолоченные рамы. Иногда над иконой устраивается особая сень. Например, такая сень сделана над уже упоминавшейся московской иконой «Нечаянная радость». Икона располагается перед солеей, слева от иконостаса на беломраморной высокой подставке с двумя ступенями. Над золоченой рамой – сень из белого тюля с накладным вышитым золотыми нитками крестом и двумя серафимами по бокам (ПМА).

Недавно в церковном обиходе появилась новая форма почитания погибших или умерших – памятный киот. Такой подарок от Москвы – киот с иконой преподобного Сергия Радонежского – в дар донскому казачеству получил Новочеркасский Свято-Вознесенский собор. Киот посвящен генералу, участнику Белого движения С. Л. Маркову. Художественная концепция заключается в преемственности поколений и идее патриотизма. На раме киота – символические знаки военного отличия, а также две небольшие иконы (Гаскуев 2002: 33).

Украшения – одна из составных частей почитания икон, которая имела молитвенное значение и носила исключительно характер благочестия, о чем говорят соответствующие надписи на окладах, шитых пеленах и киотах. Представление о красоте и святости русского православного храма традиционно связывается с драгоценным убранством икон, усиливающих сакральную выразительность всего пространства церкви. Наиболее богатые вклады в виде окладов и драгоценных украшений отмечались в летописях, приобретали известность и нередко впоследствии воспроизводились в живописных списках чудотворных икон. Царские «драгоценные» вклады часто превращались в государственные акции. Богослужбная жизнь таких икон со временем переосмысливалась, их значение в народной жизни усиливалось. По словам философа В. В. Розанова, «ризы» – самое характерное в иконопочитании (Розанов 1991: 144). С эстетической точки зрения украшенную икону можно назвать художественным явлением ювелирного ремесла, одной из отличительных особенностей отечественной культуры.

Рассмотренные формы иконопочитания в храме почти не претерпели никаких изменений за тысячу лет со времени крещения Руси. Любовь к иконам – часть религиозного сознания верующих. Своей верой, духовной цельностью русские христиане и сегодня подтверждают живую православную действительность. Все увеличивающееся число храмов и икон в них подтверждает сохранение и возрождение традиции иконопочитания, относящейся, без сомнения, к числу наиболее устойчивых и содержательных составляющих духовной культуры русских.

Примечания

¹ В византийской традиции богато украшенные иконы, как правило, были подношениями от благочестивых и богатых вельмож. И. А. Стерлигова пишет, что «в иконографической структуре таких окладов была заложена идея заступничества всей небесной иерархии перед Христом за создателя драгоценного приношения иконе» (Стерлигова 2000).

² Энкаустика (от древнегреч. «[искусство] выжигания») – техника восковой живописи, в которой связующим веществом красок выступает воск; живопись выполняется расплавленными красками.

³ Церковнославянское слово «риза» (одеяние) в значении оклада иконы прослеживается с XVI в.

⁴ Слово «басма» заимствованно из татарского языка; татары, собирая пошлину, возили с собой «басму» – изображение своего хана.

⁵ Термин *очелье* (в описях именуется также «почелком», «очелком», «почельем», «начельником») перешел в иконографию из-за соответствия названия одной из частей женского головного убора, который бытовал до XIX в.: надо лбом к волоснику прикрепляли «очелье с подзором» (кайма), расшитое золотом и унизанное жемчугом. Нижний край очелья на иконах также украшали жемчужной бахромой (*поднизь*). Эту же часть иконного украшения иногда называли «убрусцем» или «багряницей».

⁶ «Окисис», «уксы» – в русских летописях, по-видимому, тонкие шелковые ткани пурпурного цвета.

⁷ Тогда же, по преданию, благодарность Иоанна к чудной Исцелительнице вылилась в дивной песне «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

⁸ Во второй половине XVI в. в шитье наряду с лицевым изображением человеческих лиц и фигур утверждаются декоративные орнаментальные композиции. Пелена Анастасии Романовны – пример такого образа: Загорский музей-заповедник. Инв. № 288. Вкладная книга 1673 г. Троице-Сергиева монастыря. Л. 48, 49 об.; см. также: Манушина 1981: 435.

⁹ В строгановском шитье с избранными святыми традиционно изображались патроны только здравствовавших членов семьи. Данная пелена составляет исключение, так как на ней изображены святые, соименные умершим родственникам.

Источники и материалы

Вкладная книга 1673 – Вкладная книга 1673 г. Троице-Сергиева монастыря // Архив АН СССР. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 18.

Георгиевский 1927 – Георгиевский В. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Главнаука, 1927.

Голубцов 1908 – Голубцов А. П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М.: Синод. тип., 1908.

Гусев, Вознесенский 1899 – Гусев Ф., Вознесенский А. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца. СПб., 1899.

Духовные 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 80.

Искусство строгановских мастеров 1987 – Искусство строгановских мастеров в собрании Государственного Русского музея. Каталог выставки. Л., 1987.

Ключевский 1878 – Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. СПб., 1878.

Николаев 1969 – Николаев Т. В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969.

Никольский 1897 – Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 1. СПб., 1897.

Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря 1998 – Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. Изд. 4-е. М., 1998.

Опись Новгорода 1984 – Опись Новгорода 1617 г. Ч. I. М., 1984.

Павел Алеппский 1898 – Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Кн. 4. Вып. 3. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1898.

ПМА – Полевые материалы автора. 2000 г.

Православные чудеса 1993 – Православные чудеса в XX веке. М.: Трим, 1993.

ПСРЛ 1843 – Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1843.

Толстой, Кондаков 1894 – Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1894.

ЧОИДР 1907 – Чиновники Московского Успенского собора // Чтения в Императорском обществе истории

и древностей российских при Московском университете. 1907. Кн. 4.
Чудотворные иконы 1993 – Чудотворные иконы Матери Божией. Т. 1. Коломна, 1993.

Научная литература

- Гагкуев Р. Г. Памяти русского воина // Русский дом. 2002. № 12.
Георгиевский В. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.
Голубинский Е. История Русской Церкви. Т. I. Ч. 2. М., 1904.
Ефимова Л. В. Шитая пелена «Распятие с предстоящими XII в.» в собрании Исторического музея // Русское искусство XI–XIII веков. М., 1986.
Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. СПб., 1916.
Лидов А. М. Византийские иконы Синая. М.; Афины, 1999.
Листова Т. А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 706–755.
Манушина Т. Н. Пелена 1550 г. царицы Анастасии Романовны // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1980. М., 1981. С. 435–442.
Николаева Т. В. Оклад иконы «Троица» письма Андрея Рублева // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958. С. 30–38.
Паттерсон-Шевченко Н. Иконы в литургии // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 36–64.
Плешакова И. И. Резные иконы Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1976. М., 1977. С. 204–214.
Розанов В. Среди художников. М.: НИИ изобразительных искусств, 1991.
Сарабьянов В. Д. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М.: Северный паломник, 2002.
Силкин А. В. Лицевое шитье // Искусство строгановских мастеров. Реставрация. Исследования. Проблемы: Каталог выставки. М., 1991. С. 115–171.
Средневековое лицевое шитье. Византия и Балканы. Русь. Каталог выставки к XVIII Международному конгрессу византистов. М., 1991.
Стерлигова И. А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков: Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Тимкина В. А. Иеросхимонах Аристоклий: материалы к житию // К свету. 2000. № 18. С. 129–171.
Филатов В. В. Маленькая икона «Кирилл Белозерский» в Сергиево-Посадском музее // Ферапонтовский сборник. Вып. V. М.; Ферапонтово, 1999.
Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радуница, 2000.
Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1771.
Языкова И. К. Богословие иконы: Учебное пособие. М.: Изд-во Общедоступного Православного университета, 1995.

References

- Gagkuev, R. G. 2002. Pamyati russkogo voina [In Memory of a Russian Warrior]. *Russkii dom* 12.
Georgievskii, V. 1911. *Freski Ferapontova monastyrya* [Frescoes of the Ferapontov Monastery]. Saint Petersburg.
Golubinskii, E. 1904. *Istoriya Russkoi Tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. I. Part. 2. Moscow.
Efimova, L. V. 1986. Shitaya pelena «Raspyatie s predstoyashchimi XII v.» v sobranii Istoricheskogo muzeya [Embroidered shroud «Crucifixion with Standing Veils», 12th Century, in the Collection of the Historical Museum]. In *Russkoe iskusstvo XI–XIII vekov* [Russian Art of the 11th–13th Centuries]. Moscow.
Krasovskii, M. *Kurs istorii russkoi arkhitektury* [Course in the History of Russian Architecture]. Part. 1. Saint Petersburg. 1916.
Lidov, A. M. 1999. *Vizantiiskie ikony Sinaya* [Byzantine Icons of Sinai]. Moscow; Athens.
Listova, T. A. 2001. Religiozno-obshchestvennaya zhizn': predstavleniya i praktika [Religious and Social Life: Concepts and Practices]. In *Russkii Sever. Etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. XII–XX veka* [The Russian North. Ethnic History and Folk Culture. 12th–20th Centuries], 706–755. Moscow: Nauka.
Manushina, T. N. 1981. Pelena 1550 g. tsaritsy Anastasii Romanovny [Shroud of Tsarina Anastasia Romanovna, 1550]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya. 1980* [Cultural Monuments. New Discoveries. Writing. Art. Archaeology. 1980], 435–442. Moscow.
Nikolaeva, T. V. 1958. Oklad ikony «Troitsa» pis'ma Andrey Rubleva [The Cover of the «Trinity» Icon, painted by Andrei Rublev]. *Soobshcheniya Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya-zapovednika*

- [Communications of the Zagorsk State Historical and Art Museum-Reserve]. *Issue 2*: 30–38. Zagorsk.
- Patterson-Shevchenko, N. 1994. Ikony v liturgii [Icons in the Liturgy]. In *Vostochnokhristianskii khram. Liturgiya i iskusstvo* [Eastern Christian Church Liturgy and Art], 36–64. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Pleshakova, I. I. 1977. Reznye ikony Gosudarstvennogo Russkogo muzeya [Carved Icons of the State Russian Museum]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. 1976* [Cultural Monuments. New Discoveries. Writing. Art. Archaeology. 1976], 204–214. Moscow.
- Rozanov, V. 1991. *Sredi khudozhnikov* [Among the Artists]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut izobrazitel'nykh iskusstv.
- Sarab'yanov, V. D. 2002. *Spaso-Preobrazhenskii sobor Mirozhskogo monastyrya* [The Cathedral of the Transfiguration of the Savior in the Mirozh Monastery]. Moscow: Severnyi palomnik.
- Silkin, A. V. 1991. Litsevoe shit'e [Episcopal Embroidery]. In *Iskusstvo stroganovskikh masterov. Restavratsiya. Issledovaniya. Problemy: Katalog vystavki* [The Art of the Stroganov Masters. Restoration. Research. Problems: Exhibition Catalog], 115–171. Moscow.
- Srednevekovoe litsevoe shit'e. Vizantiya i Balkany. Rus'. Katalog vystavki k XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* [Medieval Episcopal Embroidery. Byzantium and the Balkans. Rus'. Exhibition Catalog for the 18th International Congress of Byzantinists]. 1991. Moscow.
- Sterligova, I. A. 2000. *Dragotsennyi ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov. Proiskhozhdenie, simbolika, khudozhestvennyi obraz* [The Precious Collection of Old Russian Icons of the 11th–14th Centuries: Origin, Symbolism, and Artistic Image]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Timkina, V. A. 2000. Ieroskhimonakh Aristoklii [Hieroschemamonk Aristokliy]. *K svetu 18*.
- Filatov, V. V. 1999. Malen'kaya ikona «Kirill Belozerskii» v Sergievo-Posadskom muzee [The Small Icon «Cyril of Belozersk» in the Sergiev Posad Museum]. In *Ferapontovskii sbornik. Issue V*. Moscow; Ferapontovo.
- Khristianskie relikvii v Moskovskom Kreml'e* [Christian Relics in the Moscow Kremlin]. 2000. Moscow: Radunitsa.
- Shcherbatov, M. M. 1771. *Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen* [Russian History from Ancient Times]. Vol. 1. Bk. 2. Saint Petersburg.
- Yazykova, I. K. 1995. *Bogoslovie ikony. Uchebnoe posobie* [The Theology of the Icon: A Study Guide]. Moscow: Izdatel'stvo Obshchedostupnogo Pravoslavnogo universiteta.

«DRESSED WITH A VESTMENT AS WITH LIGHT»: PRECIOUS ADORNMENTS OF ORTHODOX ICONS
AS A FACTOR OF PUBLIC VENERATION

Abstract. The adornment of venerated icons is an integral part of icon veneration and piety, which are one of the distinctive features of Russian culture. Drawing on archival, chronicle, and literary sources, this article explores centuries-old traditions of precious icon decoration in the form of oklads, tsatas, crowns, pendants, embroidered hanging cloths, and icon case decorations.

Keywords: icon decoration, icon veneration, piety.

Authors Info: Tzekhanskaja, Kira V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kirilla2011@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tzekhanskaja, K. V. 2025. «Dressed with a Vestment as with Light»: Precious adornments of Orthodox icons as a factor of public veneration. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 43: 13–25

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

